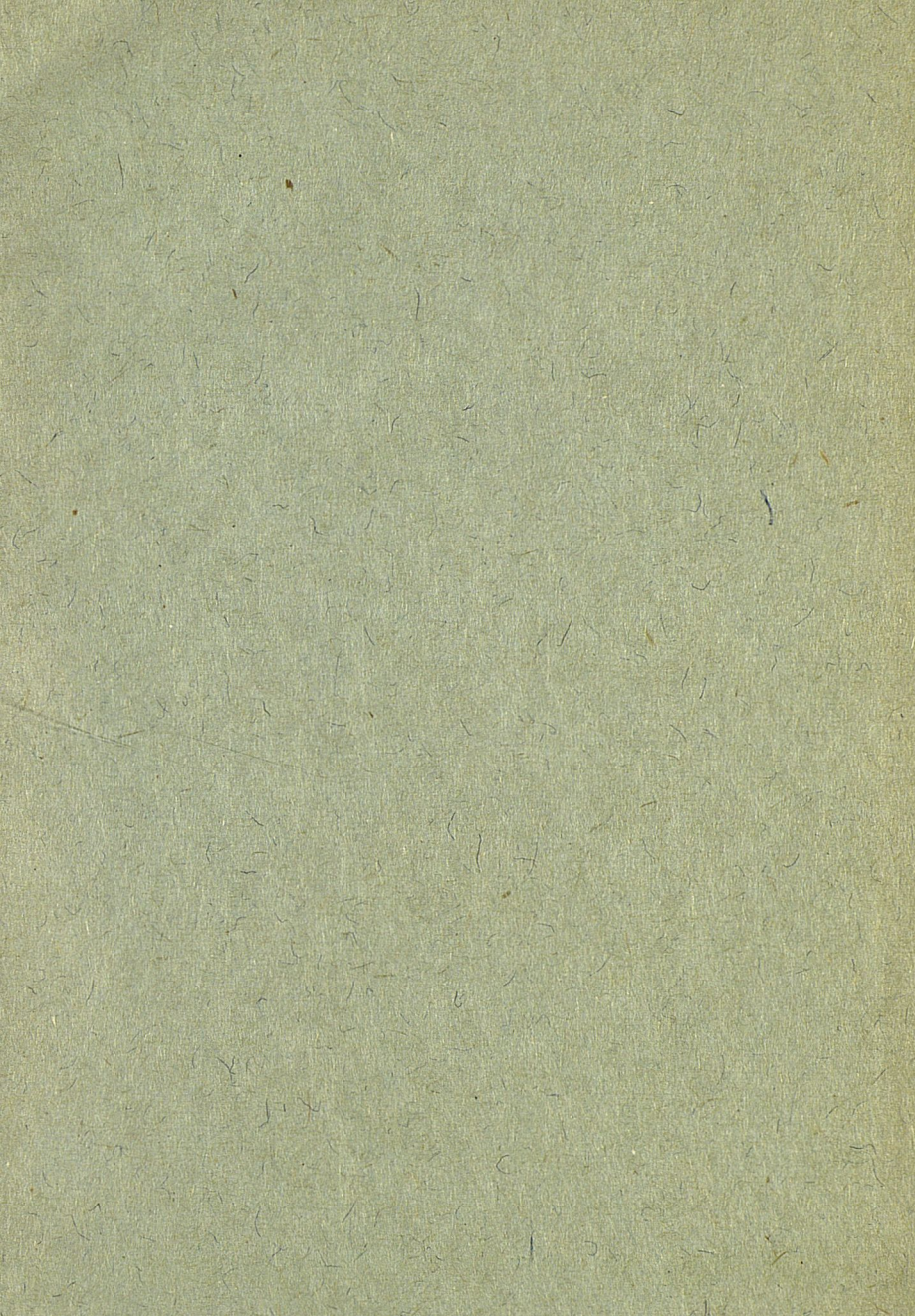

P $\frac{47}{120}$

Вып. 1-20.

Р 41
120
А. К. СЕМЕНОВЪ.

„ТЕМНИЧЕКЪ“

ВЫПУСКЪ 16-й.

○ ○ ○ ○ Курсъ VIII класса. ○ ○ ○ ○

И. С. Тургеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Тургеневъ, какъ „ловецъ момента“.
2. Характеристика Федора Лаврецкаго.
3. Лаврецкій и Паншинъ (Параллель).
4. Характеристика Лизы Калитиной.
5. Лиза и Татьяна. (Сравнительная характеристика).
6. Русское дворянство въ русской художественной литературѣ.

ЦѢНА 20 К.

Книгоиздательство

М. С. Козмана въ Одессѣ.

Кингоиздательство М. С. КОЗМАНА, Одесса.

Переводы съ полными словарями, комментаріями и подробнымъ синтаксическимъ разборомъ слѣдующихъ книгъ (по изд. Манштейна):
(Нѣкоторые переводы съ латинскими текстами).

	коп.		коп.
I, II, III, IV, V, VI, и VII		Лессингъ. М.-ф. Варгелъмъ	35
книгъ Юлія Цезаря по . . . 50		Шпллеръ. Ист. 30-л. войны	35
Всѣхъ 7 книгъ Ю. Цезаря. 60		Новые французскіе писат.	35
Избран. отрывковъ Цезаря. 50		Вольтеръ. Истор. Карла XII	35
XXI, XXII и XXX книгъ		Местръ. Параша-Сибирячка	35
Тита Ливія по 60		Сувестръ. У камина	35
1-ой книги Тита Ливія 75		Романъ молодого бѣдняка. 35	
Избран. стих. Овидія Назона 60		Мольеръ. Скупой 25	
Рѣчей Цицерона:		Избран. сказокъ Гауффа 25	
„ противъ Катилины 60		Лихтенштейна Гауффа по	
„ За Архіа Пювта 40		Манштейну, по Еше по 50	
„ о назнач. Гнея Помпея		Къ учебн. нѣм. яз. Глезеръ	
„ противъ Вереса 35		и Пецольдъ ч. I и II по 35	
„ за Анніа Милона. 60		„ къ хрестоматіи Глезера. 60	
„ за Квинта Лигарія 40		Ключъ къ 1 и 2-ой ч. учеб.	
I, II, III, IV, V и VI пѣсни		нѣм. яз. Аллендорфа по 40	
Энеиды Вергилія по 50		„ ко 2-ой ч. учеб. нѣм. яз.	
Всѣхъ 6 пѣсенъ Э. Вергилія 60		Мительштейнера 40	
Оды и Эподы Горация 50		Ключъ ко 2 ч. учеб. франц.	
Югурт. войны Саллюстія. 60		яз. Россманъ и Шмитъ 40	
Консп. латин. синтаксиса 40		„ ко 2-ой ч. учеб. франц.	
Ключъ къ учебн. латинск.		языка Трилинга. 40	
языка Виноградова 50		„ 2-ой ч. учеб. франц. яз.	
Тоже къ Михайловскому 50		Шансель и Глезеръ. 50	
Къ практикѣ латинскаго		„ приг. курсу учеб. франц.	
синтаксиса Виноградова 75		яз. Октава Класса 25	
Баумбахъ. Избран. разск. 35		„ къ 1 и 2-ой ч. франц. хре-	
Нов. нѣм. писат. т. I и II по 35		стоматіи Вастена 60 и 50	

Полные словари къ:

I, II, III, IV, V, VI и VII		Одамъ и эподамъ Горация	25
книгамъ Ю. Цезаря по	25	Рѣч. Цицер. за Лигарія	30
7 книгамъ Цезаря . 1 р.	25	„ „ „ Милона	30
Избр. отрывкамъ Цезаря	25	„ „ „ Гн. Помпея	30
XXI-ой книгѣ Т. Ливія	30	Югурт. войны Саллюстія	40
I, XXII и XXX кн. Ливія по	40	Книгѣ за Архіа пювта	25
Избр. стих. Овидія Назона. 30		Уч. лат. яз. Виноградова	25
Рѣч. Цицер. пр. Катил.	30	Уч. лат. яз. Михайловск.	25
I, II, III, IV, V и VI пѣс-		Франц. хрест. Вастена.	25
нямъ Э. Вергилія по	25	II ч. Шанселя и Глезера	25
6 пѣснямъ Э. Вергилія . 1 р.	20	Хрестоматіи Глезера	25

Д. К. СЕМЕНОВЪ.

„ТЕМНИЧЕКЪ“

ВЫПУСКЪ 16-й.

о о о о Курсъ VIII класса. о о о о

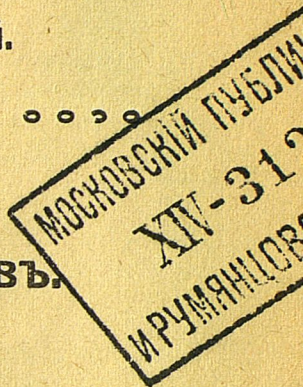
И. С. Тургеневъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Тургеневъ, какъ „ловецъ момента“.
2. Характеристика Федора Лаврецаго.
3. Лаврецкій и Паншинъ (Параллель).
4. Характеристика Лизы Калитиной.
5. Лиза и Татьяна. (Сравнительная характеристика).
6. Русское дворянство въ русской художественной литературѣ.

Книгоиздательство
М. С. Козмана въ Одессѣ.

МОНЕТНОМУ ЗАВѢДѢНІЮ
171-31
1917

ОДЕССА.

Типографія книгоиздательства М. С. Козмана.

Госпитальный пер., 10, собствен. домъ.

1. Тургеневъ какъ „ловецъ момента“.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Характеръ русской литературы XIX в.

Отсутствіе положительнаго героя.

Течения въ ней:

а) литература обличительная:

а) Гоголь,

б) Островскій.

б) литература бытописательная:

а) Пушкинъ,

б) Гончаровъ.

Изложеніе.

Тургеневъ, какъ бытописатель.

Герои Тургенева, какъ отраженіе опредѣленныхъ стадій русской общественной мысли:

а) Лаврецкій,

б) Рудинъ,

в) Инсаровъ,

г) Базаровъ,

д) Губаревъ („Дымъ“).

е) Соломинъ.

Заключеніе.

Значеніе романовъ Тургенева:

а) художественное,

б) общественное,

в) историческое.

Художественная литература должна являться и является всегда въ большей или меньшей степени полнымъ отраженіемъ современной ей дѣйствительности. Какъ бы высоко ни стоялъ писатель надъ окружающимъ его обществомъ, онъ всегда плоть отъ плоти и кость отъ кости его. Его мысли—это всегда мысли его современниковъ, можетъ быть, въ массѣ еще не созрѣвшія, не осознанныя, но уже носящіяся въ воздухъ. Недаромъ Пушкинъ, говоря о поэтѣ, сравниваетъ его съ эхомъ:

„Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ,
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухъ пустомъ
Родишь ты вдругъ,—
Тебѣ же нѣтъ отзыва.
Таковъ и ты, поэтъ“.

(Пушкинъ. „Эхо“).

Но въ нашей новой литературѣ этотъ общественный элементъ подчасъ усиливается настолько, что часто занимаетъ первое мѣсто, отодвигая на задній планъ чисто художественныя задачи.

И вотъ почему.

Уже въ XVIII вѣкѣ наши писатели чувствовали себя стѣсненными и не всегда могли говорить прямо и открыто, что и какъ хотѣли. Сатирикъ послѣпетровской эпохи князь Антиохъ Кантемиръ жалуется на то, что не всѣ отрицательныя явленія жизни онъ

„Исчель иль скорѣй
Могъ исчезть смѣлье“¹⁾.

Державинъ мѣтко говоритъ о положеніи писателя:

„Схватили птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой!“.

Сильнымъ міра возможно говорить правду только „съ улыбкой“²⁾, въ очень иносказательной формѣ. Печальный примѣръ Радищева, автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, указывалъ писателямъ, что ждетъ ихъ за свободное и открытое выраженіе своихъ мнѣній. При такихъ условіяхъ авторы стараются заключать свои мнѣнія „между строкъ“, откуда и извлекаетъ ихъ проницательный читатель. Вырабатывается особый иносказательный „эзоповскій“ языкъ, столь характерный для нашей литературы почти до конца прошлаго столѣтія. Для

1) Кантемиръ. „Къ уму своему“.

2) Державинъ. „Памятникъ“.

того, чтобы скрыто, почти незамѣтно проводить свои идеи, конечно, наиболѣе подходящей оказалась форма беллетристическая.

Но идеи свои писатели могут проводить разными способами. Они могли, напримѣръ, просто воплощать въ своихъ герояхъ свои идеалы, свои лучшія чаянія и стремленія. Они могли также обличать пороки и недостатки, противоположные этимъ идеаламъ. Они могли, наконецъ, попросту изображать окружающую жизнь такую, какой она представлялась имъ подъ тѣмъ или инымъ угломъ зрѣнія,

„Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“.

И, скажемъ прежде всего, всѣ попытки дать идеальнаго героя въ русской литературѣ были неудачны. Чацкій, Штольць, Инсаровъ такъ же искусственны и надуманы, какъ и первый русскій положительный герой Стародумъ. Это резонеры, маріонетки, появляющіяся на сценѣ, чтобы высказать нѣсколько возвышенныхъ и глубокихъ мыслей автора,—и немедленно, по минованіи надобности, оттуда исчезающія. И всегда они производятъ на читателя впечатлѣніе нереальности, отсутствія жизненной правды, впечатлѣніе, для художественнаго произведенія очень невыгодное.

Напротивъ того, обличительное направленіе постепенно завоевываетъ въ русской литературѣ господствующее положеніе. Оно ясно проглядываетъ уже въ сатиры и комедіи XVIII столѣтія—въ произведеніяхъ Кантемира, императрицы Екатерины II и, въ особенности, Фон-визина. Но расцвѣтъ этого направленія падаетъ на слѣдующій вѣкъ. Грибоѣдовъ въ своемъ „Горѣ отъ ума“ далъ яркую картину высшаго московскаго общества начала XIX столѣтія. Въ этой комедіи онъ обличаетъ невѣжество знати, низкопоклонство ея, прислужничество и другія отталкивающія стороны. Гоголь въ своихъ безсмертныхъ твореніяхъ: „Ревизоръ“, „Мертвыхъ душахъ“ обличаетъ недостатки мелкаго провинціальнаго чиновничества и помѣщиковъ, комедіи Островскаго осмѣиваютъ „темное царство“ замоскворѣцкаго купечества.

Рядомъ съ этимъ направленіемъ существуетъ и развивается другое. Въ обличительной литературѣ на первомъ мѣстѣ тенденція, задняя мысль автора, во имя которой онъ и обличаетъ все, ей противорѣчащее. Противоположная школа характеризуется именно отсутствіемъ тенденціи. Авторъ изображаетъ жизнь безъ всякой предвзятой мысли, такую, какой она представилась его творческому вдохновенію. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ Пушкинъ даетъ намъ полную картину жизни высшихъ круговъ современнаго ему общества, оставаясь все время въ тѣни, нигдѣ не выдвигаясь на первое мѣсто, предоставляя читателю возможность самому дѣлать выводы изъ того матеріала, который поэтъ ему

даетъ. Таковъ же и Гончаровъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ: „Обломовъ“ и „Обрывъ“. Эту школу—въ противоположность обличительной—можно назвать бытописательной.

И. С. Тургеневъ является однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей этой школы.

Еще въ началѣ его литературной дѣятельности Бѣлинскій указалъ, какъ на характерную черту таланта этого выдающагося писателя, на то, что онъ никогда не будетъ въ состояніи описать того, чего онъ самъ не видѣлъ своими глазами. И вѣрность этого глубокаго замѣчанія сказалась не только въ „Запискахъ охотника“, но и во всемъ послѣдующемъ творествѣ Тургенева. Онъ всегда описываетъ то, что видѣлъ, и такъ, какъ видѣлъ.

Что же однако отличаетъ Тургенева отъ второстепеннаго писателя, рабски и безотчетно копирующаго развернувшійся предъ нимъ уголокъ дѣйствительности?

Тургеневъ не просто фотографируетъ современную ему жизнь. Въ своихъ произведеніяхъ онъ кромѣ изображенія жизни даетъ намъ и объясненіе ея. Въ его романахъ, если взять ихъ въ цѣломъ, мы имѣемъ полную и яркую картину жизни русской интеллигенціи почти за сто лѣтъ. И изслѣдователю остается только соединить ихъ въ одно цѣлое и выяснить идею, которую авторъ не хотѣлъ намъ навязать, но которая ясно видна въ его произведеніяхъ.

Вотъ передъ нами типичный русскій интеллигентъ сороковыхъ годовъ Федоръ Лаврецкій („Дворянское гнѣздо“). Отецъ его—нелѣпый человѣкъ „безъ царя въ головѣ“, окончательно сбитый съ толку путешествіемъ за-границу,—сдѣлался англоманомъ и рѣшилъ произвести „коренную реформу“ въ воспитаніи мальчика. На первый планъ выступила гимнастика, физическія упражненія, спортъ. Въ программу образованія входили „естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ“. Когда послѣ смерти отца 23-лѣтній Лаврецкій поступилъ въ университетъ, въ его образованіи были большіе пробѣлы, а главное, онъ выросъ нелюдимымъ, болѣзненно-застѣнчивымъ, неловкимъ въ обществѣ.

Такимъ поступаетъ Лаврецкій въ началѣ 30-тыхъ годовъ въ университетъ. Хотя въ это время тамъ учились многіе даровитые юноши, но Лаврецкій, изломанный своимъ воспитаніемъ, почти ни съ кѣмъ не сходилъ. Затѣмъ его любовь и женитьба, результатъ его неопытности и незнанія жизни, не дали ему закончить образованія. Но даже въ Парижѣ, куда Лаврецкій уѣхалъ съ молодой женой, онъ стремился восполнить пробѣлы своего образованія: онъ сталъ читать, приступилъ даже къ изученію англійскаго языка, слушалъ лекціи,

слѣдилъ за преніями палатъ, принялся за переводъ какого-то ученаго сочиненія. Но и здѣсь, какъ и въ Москвѣ, Лаврецкій оставался одинокимъ.

Случилась катастрофа въ личной жизни Лаврецкаго, и онъ пріѣзжаетъ на родину съ твердымъ намѣреніемъ взяться за „дѣло“. Но онъ смутно представляетъ себѣ, въ чемъ это дѣло должно заключаться. Лишь въ концѣ романа мы узнаемъ, что Лаврецкій нашелъ себѣ наконецъ, дѣятельность, что онъ сталъ землю пахать и хорошо устроилъ своихъ крѣпостныхъ.

Младшимъ современникомъ Лаврецкаго является герой другого произведенія Тургенева—Дмитрій Рудинъ. Въ его характерѣ намъ также нетрудно будетъ обнаружить черты народа и времени, его создавшихъ.

Русское общество тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ носило въ себѣ элементы страшнаго разъединенія. Образованное меньшинство представляло собою вполнѣ европейскій кружокъ, иногда даже опережавшій современныхъ ему образованныхъ людей на Западѣ. Въ то же время большинство представляло собой пучину грубости, пошлости и невѣжества,—и, естественно, приводило въ уныніе кучку идеалистовъ. Среди послѣднихъ являлись даже личности, которымъ казалась измѣнной всему хорошему малѣйшая уступка нераціональнымъ требованіямъ практической жизни, тѣмъ требованіямъ, удовлетворить которыя можно было только цѣною своихъ убѣжденій.

Какую дѣятельность могъ себѣ избрать человѣкъ того времени, имѣвшій кое-какія понятія о призваніи человѣка, о пользѣ, какую всякій человѣкъ долженъ принести, о согласованіи поступковъ съ требованіями высшей правды? Что было ему дѣлать? Какое практическое поприще себѣ избрать? Что могъ дѣлать Рудинъ?

Чиновникомъ быть Рудинъ не могъ, во всякомъ случаѣ, не могъ быть долго. Слишкомъ грандіозны были его идеалы и слишкомъ мизерна чиновничья дѣятельность того времени. Но мы видимъ Рудина на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, и нигдѣ онъ не въ состояніи приносить пользу. Это вытекаетъ изъ самаго характера Рудина, главная черта котораго есть безалаберность, отсутствіе почвы подъ ногами. Эта особенность мѣшаетъ Рудину организовать свои занятія и заставляетъ его браться за дѣла, въ которыхъ онъ ничего не понимаетъ, она даже сказывается въ его слишкомъ большомъ подчиненіи своихъ поступковъ резонерству.

Но безалаберность Рудина есть безалаберность талантливой, Богомъ одаренной природы. Даровитость его видна въ умѣннн изъ каждой науки извлекать пригодное для своихъ цѣлей. Онъ не особенно много знаетъ, но немногимъ распоряжается лучше и производитъ большее впечатлѣніе, нежели другой съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній.

Честность и благородство, понимаемая въ самомъ высшемъ смыслѣ, составляютъ наравнѣ съ безалаберностью, квинтъ-эссенцію характера Рудина. Въ немъ нѣтъ выдержки, онъ лишень инициативы, но передъ опасностью онъ никогда не отступить. Смерть Рудина доказываетъ это съ полнѣйшей очевидностью.

Вообще, его конецъ не является неожиданной развязкой его жизни. Онъ какъ нельзя лучше къ ней подходитъ. Безъ пріюта, безъ привѣта, въ нищетѣ и убожествѣ завершаетъ онъ вѣкъ свой, геройски умирая при защитѣ дѣла, въ сущности для него чужого но которое воспламеняетъ его, какъ человѣка, признающаго справедливость необходимымъ элементомъ разумнаго существованія и возстающаго на защиту ея, гдѣ бы она ни была нарушена. Его смерть примиряетъ насъ съ его мелкими недостатками, она указываетъ, что въ Рудинѣ есть натура, есть матеріаль для созданія идеальной личности, но условія времени и мѣста не даютъ этой богатой натурѣ возможности правильно развиваться.

О томъ, насколько фигура Рудина характерна для русскаго общества 40-овыхъ годовъ, одинъ изъ изслѣдователей Тургенева говоритъ слѣдующее:

„Не Рудинъ виноватъ въ своемъ характерѣ, виновато общество, его создавшее. Поэтому онъ не есть карикатура живого лица, какъ утверждали нѣкоторые, а типъ, и притомъ, типъ общественный. Такъ понять характеръ эпохи могъ только такой умный и тонкій наблюдатель, какъ Тургеневъ. Въ нашей литературѣ есть много изображеній людей 40-овыхъ годовъ, но всѣ они обыкновенно воспроизводятъ только одну сторону ихъ нравственной фізіономіи. Въ Рудинѣ же мы имѣемъ полную фізіологію человѣка предшествующей намъ эпохи. Тутъ онъ намъ является со всѣмъ своимъ запасомъ дарованій и природныхъ силъ, но зато и во всей своей гражданской непригодности“.

(Венгеровъ).

Въ „Рудинѣ“ и „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургеневъ выразилъ тоску лишняго человѣка, констатироваль фактъ умиранія старыхъ формъ жизни. Возбужденіе и жажда дѣла, овладѣвшія русскимъ обществомъ съ воцареніемъ Александра II, вызвали поворотъ въ творчествѣ Тургенева. Онъ стремится отыскать „новаго человѣка“, человѣка дѣла, активную личность. Первой попыткой въ этомъ направленіи является „Наканунъ“.

Въ Инсаровѣ въ сущности нѣтъ ничего необыкновеннаго. Безъ талантовъ, съ ограниченнымъ умомъ и кругозоромъ онъ во многихъ отношеніяхъ стоитъ ниже не только Шубина, но и Берсенева. И тѣмъ не менѣе, и въ глазахъ Елены, и въ глазахъ автора онъ является окруженнымъ какимъ-то ореоломъ. Это обаяніе заключается въ ясномъ сознаніи цѣли, которое даетъ ему желѣзную волю и непреодолимую силу. Въ немъ есть то, чего не доставало русскимъ людямъ, чего они

такъ пламенно искали. Онъ знаетъ, что нужно дѣлать для своей родины. Именно съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ подходить къ Инсарову, и только на фонѣ тогдашней русской дѣйствительности станеть для насъ понятно отношеніе къ нему всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа. Это лучше всего сказывается въ его характеристикѣ, данной Шубинымъ: „Талантовъ никакихъ, поэзіи нема, способностей къ работѣ пропасть, память большая, умъ не разнообразный и не глубокой, но здравый и живой, суть и сила, и даже даръ слова, когда рѣчь идетъ объ его, между нами сказать, скучнѣйшей Болгаріи... Сушь, сушь, а всѣхъ насъ въ порошокъ стереть можетъ. Онъ съ своею землею связанъ—не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влейся, моль, въ насъ, живая вода! Зато и задача его легче, удобопонятнѣе: стоитъ только турокъ вытурить, велика штука!“

Нетрудно уловить тѣ свойства характера, которыя дѣлали Инсарова полною противоположностью Рудинимъ и Лаврецкимъ. Онъ прежде всего человѣкъ дѣла, а не слова. Чувства и люди квалифицируются въ его глазахъ только по активнымъ проявленіямъ: „Вы очень любите свою родину?“ спрашиваетъ его Елена. „Это еще неизвѣстно“, возражаетъ Инсаровъ: „вотъ когда кто-нибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любилъ“.

Другая черта, отдѣляющая Инсарова отъ идеалистовъ 40-овыхъ годовъ, это почти грубый матеріализмъ, отсутствіе поэзіи, мечтательности и идеализма въ смыслѣ той эпохи. Искусства онъ не признаетъ, любовь сумѣлъ въ себѣ подавить и готовъ былъ ухъать отъ Елены, не повидавшись съ ней въ послѣдній разъ, даже не сдѣлавъ попытки узнать, какія чувства питаетъ она къ нему. Для идеи онъ не задумался бы пожертвовать своей жизнью, не пожалѣлъ бы для нея и жизни и счастья любимой женщины.

Наконецъ, весь обликъ Инсарова, всякій шагъ его есть воплощенное отрицаніе психики мыслящаго барства. Онъ рассчитываетъ свое время и силы. Каждый шагъ его, каждое слово и движеніе есть прямая противоположность халатности и простодушію, которыя выросли на почвѣ патріархальныхъ усадебныхъ отношеній. Инсаровъ это та противоположность, которой искала натура Тургенева, а вмѣстѣ съ нимъ и все мыслящее барство той эпохи. И самое нетерпѣніе, съ которымъ ждало русское общество этого человѣка, ясность представленія о немъ говорили о томъ что Россія находится „наканунѣ“, что кончатся расчеты съ прошлымъ, что недалеко уже появленіе русскаго Инсарова. „И недолго намъ ждать его, писалъ Добролюбовъ,—за это ручается то лихорадочное, мучительное нетерпѣніе, съ которымъ мы ожидаемъ его появленія въ жизни. Онъ необходимъ для насъ, безъ него вся наша жизнь идетъ какъ-то не въ зачетъ, и каждый день ничего

не значить самъ по себѣ, а служить только кануномъ другого дня. Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день“¹⁾).

Когда же этотъ новый такъ долго ожидаемый русской общественностью человѣкъ, наконецъ, появился въ ней, Тургеневъ замѣтилъ его и зафиксировалъ въ романѣ. Такъ возникъ Базаровъ.

Тургеневъ высоко поставилъ Базарова надъ Ситниковымъ, Кукушиной, въ лицѣ которыхъ онъ изобразилъ грязные подонки стараго времени, вынесшіе изъ новыхъ идей только новый способъ времяпрепровожденія. Онъ возвысилъ его и надъ другомъ его прекраснодушнымъ Аркадіемъ, этимъ тщедушнымъ прогрессистомъ. Въ лицѣ Базарова авторъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе представить типъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія. Онъ надѣлилъ его многими такими симпатичными чертами, вслѣдствіе которыхъ критика въ началѣ 60-тыхъ годовъ имѣла основанія видѣть въ Базаровѣ типъ лучшихъ молодыхъ людей этого времени. Происходя изъ плебейскаго рода, Базаровъ заимствовалъ отъ своихъ предковъ ту жилку усидчиваго трудолюбія, тотъ физическій и нравственный закалъ, которые такъ рѣзко отличаютъ его отъ мягкосердечныхъ, дряблыхъ, жалкихъ и лѣнивыхъ натуръ кирсановской атмосферы. Жизнь, полная труда и борьбы изъ-за куска хлѣба, изъ-за желанія пробиться собственной энергіей, безъ всякой посторонней помощи, заставила его пройти сквозь огонь и воду, и еще болѣе закалила его. Это человѣкъ, который не ограничивается однѣми фразами о пользѣ труда, а самъ трудится безъ всякой усталости. Едва пріѣхавъ онъ къ Кирсановымъ, и на другое утро принялся уже за свои изслѣдованія. И когда этотъ солидный, энергичный труженикъ, человѣкъ работающій, знающій, раздражается рядомъ нелѣпыхъ фразъ, въ которыхъ замѣчается полное отсутствіе всякой логики и всякаго знанія, то это весьма знаменательно. Такое обстоятельство указываетъ намъ на отношеніе Тургенева къ изображаемому имъ явленію. Очевидно, что въ словахъ лучшаго работающаго представителя молодого поколѣнія Тургеневъ имѣлъ намѣреніе представить новое міросозерцаніе не въ искаженномъ, а въ чистомъ видѣ его, съ цѣлю показать, какъ это міросозерцаніе губительно вліяетъ на лучшихъ представителей его.

Еще ярче это отношеніе къ отрицательнымъ сторонамъ молодого поколѣнія рисуется въ герояхъ слѣдующаго по времени романа „Дымъ“.

За границей собрался кружокъ представителей новаго поколѣнія, новыхъ теченій въ русской жизни, реформаторы, „республиканцы“, „либералы“ и т. д. Глава ихъ и повелитель, нѣкто Губаревъ, господинъ наружности почтенной и немного туповатой. Ораторъ Губаревъ плохой; онъ только мычитъ да изрѣдка вставляетъ какое-нибудь особенно рѣзкое слово. Не по дарованіямъ, способностямъ или характеру возы-

¹⁾ Добролюбовъ. „Когда же придетъ настоящій день?“.

мѣлъ Губаревъ несомнѣнное вліяніе на всѣхъ его окружающихъ, а единственно дѣйствіемъ своей воли и въ силу рѣшительнаго недостатка ея, по мнѣнію Тургенева, вообще у насъ, русскихъ: „захотѣлъ г. Губаревъ быть начальникомъ, и всѣ его начальникомъ признали“, какъ выражается Потугинъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Нѣсколько лѣтъ неограниченно царствовалъ Губаревъ въ Гейдельбергѣ надъ неразвитой молодежью изъ русскихъ; оставаясь самъ въ сторонѣ, разсылалъ онъ своихъ приверженцевъ на разныя дурачества: то на республиканскую пропаганду, то на агитацію въ пользу швейныхъ машинъ, то на другія фантастическія затѣи. „Всѣ будутъ въ свое время потребованы къ отчету“—пророческимъ голосомъ произноситъ Губаревъ: „со всѣхъ взыщется!“ Но вотъ грянулъ громъ, многихъ арестовали, а Губаревъ и тутъ сумѣлъ остаться въ сторонѣ. Молодежь отчасти испугалась, отчасти протрезвилась, и роль Губарева кончилась: онъ вернулся въ Россію и снова сталъ тѣмъ, чѣмъ всегда былъ по своей натурѣ: дантистомъ-помѣщикомъ. Вообще, напрасно было бы искать убѣжденій у безгранично-глупой г-жи Суханчиковой, жирнаго наглеца Биндасова да рьянаго Ворошилова, не знающаго, что дѣлать изъ своей начитанности.

Каррикатурнымъ революціонерамъ изъ „Дыма“ противопоставляетъ Тургеневъ въ своемъ романѣ „Новъ“ Соломина.

Соломинъ не вѣритъ въ близость революціи въ Россіи, но не мѣшаетъ тѣмъ, кто хочетъ попытаться сдѣлать ее. По объясненію автора, онъ такъ поступаетъ потому, что не желаетъ навязывать свое мнѣніе другимъ. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ и понималъ отсутствіе въ ихъ дѣятельности и планахъ того самаго народа, безъ котораго „ничего ты не подѣлаешь“, и который еще долго надо готовить. Повидимому, этой подготовкой и занимается Соломинъ; по крайней мѣрѣ, онъ самъ объявляетъ себя постепеновцемъ, и на замѣчаніе Маркелова, что постепеновцевъ имъ не нужно, возражаетъ, что до сихъ поръ постепеновцы шли сверху, а мы-моль попробуемъ снизу. Онъ и кончаетъ тѣмъ, что устраиваетъ гдѣ-то далеко фабрику на артельныхъ началахъ.

Бѣгло мы просмотрѣли въ хронологической послѣдовательности главныхъ дѣйствующихъ лицъ - крупнѣйшихъ произведеній Тургенева. Каждое изъ нихъ является представителемъ опредѣленнаго настроенія, пережитаго обществомъ, опредѣленной общественно-культурной группы. И собраніе романовъ Тургенева даетъ намъ живую лѣтопись большой эпохи. Въ этомъ заключается историческое значеніе романовъ Тургенева, ни чуть не меньшее, чѣмъ художественное или общественное. Эта особенность нашего писателя дала ему право по справедливости называться „лсвцомъ момента“.

2. Характеристика Федора Лаврецкаго.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Родословная Лаврецкаго:

- а) прадѣдъ,
- б) дѣдъ,
- в) отецъ,
- г) мать.

Воспитаніе Лаврецкаго:

- а) дома,
- б) въ университетѣ,
- в) самообразованіе.

Изложеніе.

Характеристика Лаврецкаго.

а) Умъ:

- а) знанія,
- β) развитіе,
- γ) здравый смыслъ,
- δ) юморъ.

б) Сердце:

- а) застѣнчивость,
- β) склонность къ одиночеству,
- γ) глубина чувства,
- δ) любовь къ женѣ,
- ε) любовь къ Лизѣ Калитиной.

в) Воля:

- а) сила воли,
- β) усидчивость,
- γ) стремленіе къ намѣченной цѣли.

Заключеніе.

Лаврецкій, какъ представитель эпохи.

Федоръ Ивановичъ Лаврецкій—человѣкъ переходной эпохи. Вся жизнь его отмѣчена стремленіемъ къ чему-то новому, что еще не ясно и туманно намѣчалось въ русской жизни и общественности. Но

ему не дано было достигнуть того идеала, который ждалъ себѣ молодыхъ силъ. Къ нимъ и обращается въ эпилогѣ романа Лаврецькій, предрекая имъ лучшее, свѣтлое будущее: „Вамъ легче будетъ жить! Вамъ не придется, какъ намъ, падать и вставать“. Падать приходилось поколѣнію Лаврецькаго потому, что старое слишкомъ приковывало его къ себѣ и отдѣлаться отъ него совершенно оно не могло никакими усилиями. Ненавидя и презирая его, оно все же вынуждено ташить его за собой, какъ тащить каторжникъ ядро, прикованное къ его ногѣ. И понять жизнь и психологію этого поколѣнія безъ связи съ поколѣніемъ предшествующимъ нельзя. Потому Тургеневъ совершенно правъ, когда въ своемъ романѣ довольно обстоятельно останавливается на родословіи героя.

Прадѣдъ его Андрей былъ „человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый“. Характернѣйшей чертой его является бѣшеное самоуправство и самовластіе. Сынъ его, испытавшій гнѣтъ отца, естественно отличался безхарактерностью и слабоволіемъ. Онъ разбаловалъ крестьянъ, привелъ въ упадокъ имѣніе и вынужденъ былъ отдать своего сына на воспитаніе княжнѣ. Воспитаніе это было въ достаточной степени нелѣпое. Но вся премудрость XVIII вѣка, влитая въ юношу его воспитателемъ, осталась только въ головѣ его: „онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденіемъ“. Когда же онъ потерялъ надежду на богатое наслѣдство и вернулся въ деревню къ отцу, все сдѣлалось здѣсь ему противно: глушь и копотъ степного житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли, скука грызла, да и дома всѣ на него косились. Отцу не нравились его привычки, его опрятность, и онъ то и дѣло ворчалъ и жаловался на сына, попрекая его Вольтеромъ и „Дидеротомъ“. Окончательный разрывъ между отцомъ и сыномъ произошелъ изъ-за желанія сына жениться на крестьянкѣ, желанія, во многомъ вызваннаго самимъ отцомъ. Какъ бы то ни было, сынъ поставилъ на своемъ. Онъ „не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно пустилъ въ ходъ и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота, La Déclaration des droits de l'homme“. Послѣ смерти отца, Иванъ Петровичъ, сдѣлавшійся англоманомъ, пытается произвести кое-какія преобразованія въ управленіи имѣніемъ, но изъ этого, конечно, ничего не выходитъ. Увлеченіе Англіей отражается, главнымъ образомъ, на воспитаніи Феди.

Когда ребенокъ подросъ, отецъ начерталъ цѣлый планъ его воспитанія и образованія, принявъ за образецъ англійскую систему и желая сдѣлать изъ мальчика „не только человѣка, но и спартанца“. Его въ двѣнадцать лѣтъ водятъ „съ обнаженными икрами и съ пѣтушьями порьями на складномъ картузѣ“. Разнообразные предметы, которымъ его обучали, начиная отъ столярнаго искусства и оканчивая

геральдикой, „сбили съ толку мальчика, поселили путаницу въ его головѣ... система притиснула его“.

Подросши, Федя сталъ размышлять, замѣтилъ разницу между либеральными рѣчами и деспотическимъ поведеніемъ отца, тотъ же разладъ, который онъ въ послѣдствіи не разъ замѣчалъ во всей вообще русской жизни. Но только въ 23 года попалъ Лаврецкій въ университетъ.

Мы должны подробнѣе остановиться на этомъ періодѣ жизни нашего героя, ибо имъ опредѣлилось все дальнѣйшее развитіе его характера. Тургеневъ указываетъ на много положительныхъ сторонъ, съ которыми Лаврецкій вступилъ въ этотъ періодъ. Лаврецкій явился въ университетъ съ умомъ яснымъ и здравымъ, хотя нѣсколько тяжелымъ, съ нѣкоторымъ запасомъ свѣдѣній, наблюденій и мыслей. Но были въ немъ такія стороны, которыя помѣшали ему взять отъ университета все, что онъ могъ бы ему дать. Онъ былъ чрезвычайно робокъ, болѣзненно-застѣнчивъ и неловокъ въ обществѣ. Это удержало Лаврецкаго отъ многочисленныхъ кружковъ, которые были въ то время въ студенческой средѣ: „они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ“. И если онъ все-таки усвоилъ себѣ извѣстныя убѣжденія, если онъ вышелъ не пустымъ, безпринципнымъ человѣкомъ, то этимъ онъ обязанъ самому себѣ, своей здоровой натурѣ, природному уму, жаждѣ знанія и упорству въ трудѣ. Очевидно, онъ не мало читалъ и умѣлъ работать головой. И, конечно, онъ перерабатывалъ и осмысливалъ впечатлѣнія дѣтства, вдумывался въ идеи, усваиваемыя изъ книгъ, и въ то, что являла русская дѣйствительность. И въ послѣдствіи, живя въ Петербургѣ и въ Парижѣ съ молодой женой, онъ не переставалъ учиться. Въ Петербургѣ онъ проводитъ каждое утро за работой, въ Парижѣ слушаетъ лекціи.

Итакъ, Лаврецкій не лишенъ знаній. Но еще болѣе цѣнно въ немъ не его свѣдѣнія, а пониманіе недостатковъ его воспитанія. „Любой профессоръ позавидовалъ бы многимъ его познаніямъ“,— говоритъ Тургеневъ, и въ то же время онъ не зналъ многого, что извѣстно всякому гимназисту. Это—типичный самоучка, сынъ эпохи Бѣлинскаго и Кольцова. И сознаваемые пробѣлы угнетаютъ его, ибо прошло уже то недалекое прошлое, когда

„учились понемногу,

Чему-нибудь и какъ-нибудь“¹⁾.

Умъ Лаврецкаго незатѣйливый, но прочный и здоровый. Простота его, полное отсутствіе аффектаціи есть черта чисто русская. И еще одно чисто-русское свойство мы въ немъ находимъ: легкій, безобидный, полузадумчивый, полуигривый юморъ, который проникаетъ собой почти

1) „Евгеній Онегинъ“.

каждое его слово. Не только надъ другими, но и надъ собой способенъ добродушно подшутить Лаврецкій, и эта добродушная шутливость не измѣняетъ ему даже тогда, когда онъ затрагиваетъ предметы, способные однимъ воспоминаніемъ заставить сердце обливаться кровью.

Уже были указаны, какъ особенности характера, его застѣнчивость и стремленіе къ одиночеству. Не слѣдуетъ однако думать, вслѣдствіе этого, что Лаврецкій неспособенъ на порывъ, на искреннее чувство. Напротивъ, чѣмъ медленнѣе этотъ большой ребенокъ поддается увлеченію, тѣмъ оно въ немъ сильнѣе и глубже. Такъ было съ Варварой Павловной, которую онъ не задумался сдѣлать своей женой. Такъ было въ особенности, когда Лаврецкій почувствовалъ любовь къ чистой и свѣтлой дѣвушкѣ Лизѣ Калитиной. Онъ готовъ на всякій подвигъ подъ влияніемъ этого чувства, онъ готовъ радикально измѣнить весь строй своей жизни и радостно твердить про себя:

„Я сжегъ все то, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ“.

Когда же онъ увидѣлъ крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ, у него хватило силы воли поставить крестъ на своей личной жизни, отказаться отъ всякой личной счастья, и отдать всю свою энергію на маленькое, но полезное дѣло.

Типичная фигура! Лаврецкій типиченъ и по тѣмъ чисто русскимъ чертамъ, которыя мы отмѣтили нѣсколько выше, и какъ представитель дворянства, но именно дворянства русскаго, лишеннаго сословныхъ предразсудковъ, присущихъ даже самому захудалому дворянину на западѣ. Типиченъ онъ наконецъ, какъ представитель сумерекъ русской интеллигенціи, того предразсвѣтнаго времени, времени между тьмой и свѣтомъ. Онѣгины и Печорины уже отжили свое время, а пришествіе новаго героя съ нетерпѣніемъ ожидало русское общество. Ждалъ его съ нетерпѣніемъ и самъ Лаврецкій и издалика благословилъ, подводя итогъ своей жизни.

---

3. Лаврецкій и Паншинъ.

(Параллель).

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЬ.

Вступленіе.

Контрастъ между Лаврецкимъ и Паншинымъ.

Изложеніе.

Лаврецкій и Паншинъ.

А) Воспитаніе и образованіе.

а) Лаврецкаго:

а) отсутствіе разумной системы,

β) самообразованіе,

См. предыдущее соч.

γ) цѣль образованія—польза родины.

б) Паншина:

а) рутинна,

β) поверхностность,

γ) цѣль образованія—карьеря.

Б) Умъ.

а) Лаврецкаго:

а) глубина,

β) русскій складъ.

См. предыдущее соч.

б) Паншинъ:

а) диллетантизмъ,

β) поверхностность.

В) Любовь къ Лизѣ

а) Лаврецкаго,

[уходъ Лизы въ монастырь — крушеніе всѣхъ надеждъ]

б) Паншина

[быстро утѣшается интрижкой съ Варварой Павловной].

Г) Убѣжденія:

а) славянофильство Лаврецкаго,

б) западничество Паншина.

Д) Складъ жизни.

Заключеніе.

„Вода и камень,

Стихъ и проза, ледъ и пламень

Не столь различны межъ собой“.

Пушкинъ. „Евгеній Онегинъ“.

4. Характеристика Лизы Калитиной.

П Л А Н Ъ.

Вступленіе.

Тургеневскія женщины:

- а) Наташа („Рудинъ“).
- б) Лиза („Дворянское гнѣздо“).
- в) Елена („Наканунъ“).
- г) Марианна („Новь“).

Изложеніе.

Характеристика Лизы Калитиной.

А) Лиза, какъ типъ.

- а) Черты общечеловѣческія:
  - а) высокая нравственность,
  - б) искренность,
  - γ) альтруизмъ.
- б) Черты русскія:
  - а) врожденная религіозность,
  - б) склонность къ аскетизму,
  - γ) строгое подчиненіе долгу,
  - δ) отсутствіе „своихъ словъ“.

Б) Лиза, какъ личность.

- а) Умъ:
  - а) отсутствіе блестящихъ способностей...
  - б) вдумчивость,
  - γ) неспособность къ анализу.
- б) Сердце
  - а) чистота души,
  - б) доброта,
  - γ) скромность,
  - δ) отсутствіе эгоизма.
- в) Воля:
  - а) твердость,
  - б) способность къ самопожертвованію,
  - γ) внутренняя свобода.

Заключеніе.

Лиза и Татьяна.

(Параллель).

Въ двѣнадцати томахъ произведеній Тургенева мы находимъ цѣлую галерею русскихъ людей, поражающую своей обширностью и разносторонностью и представляющую богатѣйшій матеріалъ для критическаго и историческаго изслѣдованія.

Въ этой галереѣ не послѣднее мѣсто занимаютъ женскіе образы. Трудно было бы разобрать всѣ изображенныя Тургеневымъ женскіе типы, и прежде чѣмъ приступить къ такому разбору, необходимо провести какую-нибудь классификацію.

Всѣхъ выведенныхъ Тургеневымъ женщинъ можно раздѣлить на двѣ группы: однѣ въ большей или меньшей степени удовлетворены тѣмъ, что дала имъ судьба; онѣ стремятся создать свое счастье путемъ приспособленія къ установившимся формамъ жизни, которыя онѣ признаютъ чѣмъ-то неизблемымъ. Этотъ типъ можетъ быть названъ консервативнымъ, ибо онъ не содѣйствуетъ ни въ какой мѣрѣ дальнѣйшему развитію жизни.

Второй типъ прямо противоположенъ только что изображенному. Чужія для окружающей жизни и людей, съ которыми у нихъ нѣтъ почти ничего общаго, эти женщины рвутся къ инымъ лучшимъ условіямъ существованія. Часто онѣ не знаютъ, гдѣ это лучшее, въ чемъ искать его; все же онѣ не могутъ удовлетвориться тѣмъ, что ихъ окружаетъ, и жадно стремятся къ тому, что можетъ наполнить ихъ внутренній міръ. Онѣ не свободны отъ ошибокъ, не боятся ихъ.

„И если на мель и наткнулся мой челнъ,
Но весело плыть, пока можно“,—

готовы онѣ сказать словами поэта. Вѣчная работа ума, чувства и воли, богатство и разнообразіе внутренняго міра невольно привлекаютъ къ нимъ сердца всѣхъ, и мы вмѣстѣ съ писателемъ всегда отдаемъ предпочтеніе женщинамъ второго типа.

Представительницами первой группы являются Ласунская, Лаврецкая, Зоинька, Сипягина. Ко второй относятся Наташа, Лиза, Елена и Маріанна.

Намъ теперь нужно охарактеризовать дѣвушку, принадлежащую ко второй группѣ, героиню „Дворянскаго гнѣзда“ Лизу Калитину.

Въ лицѣ Лизы мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, у котораго преобладающей чертой является высокая нравственность. При этомъ однако необходимо отмѣтить, что авторъ не лишилъ ее также существенныхъ

правъ и качествъ молодости. Лизавета Михайловна является намъ въ полной красотѣ дѣвичьяго развитія; дѣло только въ томъ, что фантазія дѣвушки, работа ея головы и ея сердца, самая игра жизненныхъ силъ,—все уже окрашено врожденнымъ нравственнымъ чувствомъ, отъ котораго она ни убѣжать, ни освободиться не можетъ, которое составляетъ ея величіе и ея кару посреди людей. Да и проявляется оно особеннымъ, весьма тонкимъ образомъ. Ни разу не встрѣтишь у нея рѣзкаго слова, крикливаго осужденія или враждебнаго поступка противъ опредѣленій и понятій большинства (а, вѣдь, подобные грубые порывы мысли и нужны многимъ людямъ для уразумѣнія характера); нравственное чувство ея выражается какой-то постоянной боязнью жизни, постояннымъ къ ней недоувѣріемъ, точно въ молодой душѣ уже поселилось убѣжденіе, что оттуда ждать нечего. Вслѣдствіе этого Лиза уходитъ въ себя, становится скрытной. Но скрытность Лизы не вліяетъ на ея искренность. Искренность проникаетъ все ея существо, хотя подчасъ быть искренней тяжело для нея. Вотъ яркій примѣръ этого:

„Въ вашемъ домѣ—говоритъ Лизѣ Паншинъ молодой человекъ, ухаживающій за ней, почти женихъ,—матушка ваша ко мнѣ благоволяетъ—она такая добрая; вы... впрочемъ, я не знаю вашего мнѣнія обо мнѣ; зато ваша тетушка просто меня терпѣть не можетъ. Я ее тоже, должно быть, обидѣлъ какимъ-нибудь необдуманномъ, глупымъ словомъ. Вѣдь она меня не любитъ, не правда ли?“

„Да, произнесла Лиза съ *небольшой запинкой* — вы ей не нравитесь“.

„Небольшая запинка“, очевидно, означаетъ въ ней нѣкоторую борьбу между желаніемъ быть правдивой и требованіями вѣжливости. Для того, чтобы сказать правду, она не останавливается передъ тѣмъ, чтобы доставить Паншину неприятность. А между тѣмъ она готова всѣмъ жертвовать, чтобы не причинить горя никому изъ людей, ее окружающихъ. Причинять горе—противно ея альтруистической натурѣ.

Напротивъ, вся жизнь ея уходитъ на то, чтобы всѣхъ любить, жалѣть и прощать,—даже Паншина и жену Лаврецкаго. Она органически неспособна ненавидѣть—напр., дурного, злого человека за то, что онъ золъ; она будетъ только скорбѣть и молиться о немъ. Сближеніе Лизы съ Лаврецами съ того и началось, что она указала ему неправду его злобы къ женѣ; онъ—было отвѣтилъ рѣзкимъ возраженіемъ, самолюбиво увѣренный въ правотѣ своего чувства; но потомъ созналъ себя неправымъ,—взволнованный подошелъ онъ къ Лизѣ и „украдкой шепнулъ ей: „спасибо, вы добрая дѣвушка; я виноватъ...“ И ея блѣдное лицо заалѣлось веселой и стыдливой улыбкой“. Съ этой минуты и въ его сердце и сердце Лизы вкралась искра взаимной любви.

Когда оказалось, что Варвара Павловна жива, когда она сама приѣхала въ Россію, Лаврецкій опять возвращается къ злобѣ, даже

болѣе—онъ весь предается гнѣву, презрѣнію, ненависти. Онъ не хочетъ объясненій съ женой, не хочетъ ее видѣть, не хочетъ жить тамъ, гдѣ она живетъ,—Лиза, сама глубоко, невыразимо страдающая, опять требуетъ примиренія. Въ сценѣ прощальнаго свиданія своего съ Лаврецкимъ, она говоритъ ему:

— Вы, Ѳедоръ Ивановичъ, должны примириться съ вашей женой

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить... все, что было. Вы подумаете—и не откажете мнѣ.

— Лиза, ради Бога, вы требуете невозможнаго. Я готовъ сдѣлать все, что вы прикажете; но теперь примириться съ нею!.. Я согласенъ на все, я все забылъ; но не могу же я заставить свое сердце... Помилуйте, это жестоко...

— Я и не требую отъ васъ... того, что вы говорите, не живите съ ней, если вы не можете; но примиритесь,—возразила Лиза и снова занесла руку на глаза. Вспомните вашу дочку; сдѣлайте это для меня.

— Хорошо, проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій: это я сдѣлаю.

Самое рѣшеніе Лизы уйти въ монастырь вызвано въ большой степени соображеніями альтруистическаго характера. Она говоритъ теткѣ:

„Счастье ко мнѣ не шло. Даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я знаю все: и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ, я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо“.

Всѣ перечисленныя общечеловѣческія черты Лизы высоко поднимаютъ ее надъ уровнемъ окружающаго ее общества. Но есть въ Лизѣ кромѣ того нѣкоторыя возвышенныя черты, специфически присущія лучшимъ *русскимъ* людямъ, ибо и о Лизѣ можно сказать, какъ о Татьянѣ Лариной, что она

„Русская душою,
Сама не зная почему“.

Сюда относится прежде всего религіозность Лизы, имѣющая особый русскій характеръ. Эта религіозность передана была ей няней Агаѳею. Агаѳья заронила ей въ душу образъ вездѣсущаго, всезнающаго Бога; она же и молиться ее выучила. „Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и вводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку,—вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясали дѣвочку, проникали въ самую глубь ея существа“.

Особенностью религіознаго настроенія Лизы является ея склонность къ аскетизму: она все думаетъ о смерти и о бренности всего земного. Мы помнимъ, какъ она поразила Лаврецкаго замѣчаніемъ, что „христіаниномъ нужно быть не для того, чтобы познавать небесное... тамъ., земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“. Мы уже указали на присущій Лизѣ страхъ передъ жизнью, передъ ея грѣховными радостями. Лиза заканчиваетъ свое мірское поприще отреченіемъ отъ преступной—по ея мнѣнію—любви къ Лаврецкому и бѣгствомъ въ монастырь.

Чувство долга въ Лизѣ развито не слабѣе, чѣмъ чувство религіозное. Особенно ясно эта святость долга сказалась въ Лизѣ, когда она почувствовала свою любовь къ Лаврецкому. Уже его любовь къ ней казалась Лизѣ несчастьемъ и грѣхомъ. Когда же она начала сознать въ себѣ зарожденіе любви къ нему, то это чувство показалось ей чѣмъ-то вродѣ преступленія, паденія, святотатственнаго нарушенія завітовъ религіи и нравственности. Но въ то же время она не могла не знать, что это чувство по-своему чисто и свято, что въ немъ нѣтъ ничего грязнаго, ничего грѣховнаго. Проф. Овсянико-Куликовскій, давшій самый тонкій психологическій анализъ Лизы Калитиной, изображаетъ состояніе ея въ этотъ моментъ такъ;

„Манящая прелесть зарождающагося чувства, чарующая поэзія первой любви уже овладѣвали душою Лизы,—и не знала она, какъ сладить съ этимъ обаяніемъ, какъ вырвать это чувство,—да и въ самомъ ли дѣлѣ такъ ужъ необходимо вырвать его? А что если оно ниспослано свыше? Но для чего: для искушенія, для испытанія, или для счастья, для радостей земныхъ? Какъ рѣшить этотъ вопросъ, гдѣ найти отвѣтъ? Для Лизы ясно: нужно обратиться къ Богу, нужно молиться Ему; Онъ укажетъ.—Она любила и молилась“¹⁾.

И при столь большихъ достоинствахъ сколько въ Лизѣ простоты и безыскусственности! У нея, по замѣчанію автора, и „словъ своихъ“ то нѣтъ. Чувство получило въ ней полное преобладаніе надъ критической способностью ума. Считая грѣхомъ анализировать другихъ, Лиза не умѣетъ анализировать и собственной личности. Когда ей должно на что-нибудь рѣшиться, она рѣдко размышляетъ: въ подобномъ случаѣ она или слѣдуетъ первому движенію чувства, довѣряется врожденному чутью истины, или спрашиваетъ совѣта у другихъ, и подчиняется чужой волѣ, или ссылается на авторитетъ нравственнаго закона, который всегда понимаетъ буквально и всегда слишкомъ строго, съ фанатическимъ увлеченіемъ. Вообще, умственная дѣятельность играетъ въ жизни Лизы не первую роль. Какъ говоритъ самъ авторъ, „особенно блестящими способностями, большимъ умомъ Богъ ее не наградилъ“.

¹⁾ Овсянико-Куликовскій. „И. С. Тургеневъ“.

Тѣмъ сильнѣе и ярче развивается въ Лизѣ чувство за счетъ мысли.

Лиза натура эмоціальная въ полной мѣрѣ. Это видно изъ всего, что уже было о ней сказано. Но то, что она всегда прислушивается голько къ голосу своего сердца, не приводитъ ее ни къ чему дурному. Въ ней всегда говоритъ неумолимая совѣсть, которая дѣлаетъ ее, безконечно снисходительную *къ другимъ*, неумолимо строгой *къ себѣ*. На эту свою совѣсть Лиза вполне можетъ положиться даже въ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ. Чистота души и скромность Лизы, соединенныя съ добротой и стремленіемъ жить только для другихъ, дѣлаютъ ея образъ еще милѣе и привлекательнѣе.

Но при всей своей мягкости и женственности, при своемъ почти еще дѣтскомъ возрастѣ (Лизѣ всего 19 лѣтъ), наша героиня способна проявить въ серьезную минуту жизни большую силу воли и выдержку. Рѣшивъ уйти въ монастырь, она поставила на своемъ, несмотря на сопротивление всѣхъ окружающихъ, всѣхъ дорогихъ ей людей. Въ этомъ проявилась также внутренняя свобода, присущая Лизѣ вообще. Лиза остается свободной отъ того фанатизма, который дѣлаетъ чловѣка узкимъ, одностороннимъ рабомъ идеи или чувства. Осталась она свободной и отъ власти любви. Она полюбила Лаврецакого глубоко и горячо, полюбила на всю жизнь, но ради этой любви, ради возможнаго счастья, она ни на юту не поступилась своими завѣтными помыслами, тѣмъ, что привыкла считать своимъ нравственнымъ дѣломъ, своими христіанскими воззрѣніями.

Эта внутренняя свобода, эта неспособность всецѣло отдаться одному только чувству любви значительно подымаетъ Лизу надъ первымъ литературнымъ типомъ провинціальной барышни, надъ Татьяной Пушкина. Прежняя Татьяна всецѣло и исключительно занята исторіей своей любви и ни о чемъ другомъ, кромѣ орудія и проводника этой любви, Онѣгина, понятія не имѣетъ, да еще и о немъ понятія ея весьма ограниченны и скудны. Но блестящая, ослѣпительная красота типа, созданнаго нашимъ великимъ поэтомъ, не можетъ намъ помѣшать подмѣтить и отрицательныя черты его. Она подъ конецъ входитъ въ сдѣлки съ совѣстью, она „отдана другому“, любя Онѣгина, и заботится лишь о томъ, чтобы все было чисто и безукоризненно по наружности. Не такова Лиза. Она имѣетъ строгія нравственныя основанія, сдѣлки съ совѣстью ей противны; благоговѣніе къ свѣту и къ условнымъ приличіямъ замѣнилось неудержимымъ стремленіемъ направить все свое домашнее, обыденное существованіе въ смыслъ одной религіозно-моральной идеи, врожденной ей или пріобрѣтенной ею. Это уже своего рода героизмъ, а понятіе о необходимости возводить до героизма благородныя побужденія и такъ называемыя добродѣтели не существовало еще во времена Пушкина, да и теперь оно далеко не привычный и далеко не вполне знакомый намъ гость ¹⁾.

¹⁾ См. также для заключенія слѣд. сочиненіе.

5. Лиза и Татьяна.

Сравнительная характеристика.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Лиза и Татьяна — идеальныя русскія женщины различныхъ эпохъ.

- а) Татьяна относится къ 20-тымъ годамъ,
- б) Лиза относится къ 40-овымъ годамъ.

Изложеніе.

Лиза и Татьяна.

А) Черты сходства:

- а) дѣтство,
- б) воспитаніе,
- в) вліяніе няни,
- г) простота,
- д) чувство долга,
- г) героизмъ,
- ж) самопожертвованіе

Б) Черты различія:

а) Татьяна:

- а) развитіе фантазіи,
- б) уваженіе къ мнѣнію „свѣта“,
- в) сдѣлка съ совѣстью,
- д) простой взглядъ на жизнь,
- е) отсутствіе самостоятельности,
- ж) отношеніе къ любимому человеку,
- з) примиреніе съ жизнью.

б) Лиза:

- а) развитіе религіознаго чувства,
- б) смѣлое отстаиваніе своихъ рѣшеній,
- в) долгъ выше всего,
- д) жизнь для высшей идеи,
- е) самостоятельность,
- ж) отношеніе къ любимому человеку,
- з) уходъ изъ жизни.

Заключеніе.

Кто выше?

См. предыдущее сочиненіе.

6. Русское дворянство въ русской художественной литературѣ.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЬ.

Вступленіе.

Русская литература, какъ отраженіе русской дѣйствительности.

См. сочиненіе № 2.

Изложеніе.

Дворянство XVIII вѣка по литературнымъ источникамъ:

- а) „Недоросль“.
- б) „Горе отъ ума“ (Максимъ Петровичъ),
- в) „Дворянское гнѣздо“.

Черты жизни дворянства XVIII вѣка:

- а) воспитаніе,
- б) семейныя отношенія,
- в) отношеніе къ службѣ,
- г) отношеніе къ крестьянамъ,
- д) уровень образованія,
- е) нравственный уровень.

Дворянство первой половины XIX вѣка:

- а) „Горе отъ ума“,
- б) „Евгеній Онѣгинъ“,
- в) „Герой нашего времени“,
- г) „Мертвыя души“,
- д) „Дворянское гнѣздо“.

Черты дворянской жизни:

- а) воспитаніе,
- б) сильныя личности,
- в) отсутствіе приложенія для своихъ силъ
- г) „лишніе люди“,
- д) уровень образованія,
- е) сознаніе пробѣловъ воспитанія.

Заключеніе.

„Кающійся дворянинъ“ послѣдующаго періода

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ:

	коп.		коп.
Востока и мисовъ Иванова	25	Геометрии Киселева . . .	40
Древней ист. по нов. учебн.	25	Геометрии Давыдова . . .	40
Древней ист. Каръева . . .	30	Геометрии по нов. учебн.	40
Древней ист. Иванова . . .	25	Тригонометр. Злотчанскаго	30
Древней ист. Виноградова	25	Тригонометр. по нов. учебн.	40
Древней исторіи Знойко . . .	30	Физики Краевпча . . .	40
Средн. ист. по нов. учебн.	25	Физики Киселева . . .	40
Средней ист. Каръева . . .	30	Физики Косоногова . . .	40
Средней ист. Иванова . . .	25	Физики по нов. учебн.	40
Средней ист. Виноградова	25	Космографіи Щербакова . . .	30
Средней ист. Знойко . . .	30	Космографіи по нов. учебн.	30
Новой ист. по нов. учебн.	35	Законовѣдѣнія Крюков-	
Новой ист. Каръева . . .	30	скаго и Товстолѣса . . .	35
Новой ист. Иванова . . .	25	Законовѣдѣнія по нов. учеб.	35
Новой ист. Виноградова . . .	25	Логики Челпанова . . .	25
Новой ист. Знойко . . .	35	Логики по нов. учебн.	25
Русской ист. по нов. учебн.	35	Психологіи Челпанова . . .	25
Русск. ист. Платонова 2 ч.	25	Психологіи по нов. учебн.	25
Русск. ист. Елпатьевскаго	25	Церк.-слав. грамматики . . .	25
Русской ист. Иванова . . .	30	Церк.-слав. грам. Колосова	25
Русск. ист. Острогорскаго	25	Ист. словесн. по нов. учеб.	
Всеобщей географіи по нов.		ч. I в. I и II и ч. II по 30 и 35	35
учебн. Курсъ II кл.	25	Ист. словесн. Сиповскаго	
Европы по новѣйш. учебн.	25	ч. I в. I и II и ч. II по 30 и 35	35
Россіи по новѣйш. учебн.	25	Ист. литературы Саводника	
Географіи Крубера ч. I . . .	25	ч. I и ч. II по	35
Географіи Крубера ч. II . . .	25	Тоже по нов. уч. ч. I и II по	35
Географ. Европы Крубера	25	Теоріи словесн. по нов. уч.	35
Географіи Иванова ч. I . . .	25	Теоріи словесн. Шалыгина	35
Географіи Иванова ч. II . . .	25	Арифметики Киселева . . .	30
Геогр. Европы Иванова ч. III	25	Арифметики по нов. учебн.	30
Геогр. Россіи Вѣлоха ч. IV	25	Природовѣдѣнія Левина . . .	35
Геогр. Россіи Десгафта . . .	25	Природовѣд. по нов. учебн.	40
Геогр. Россіи Курдова . . .	25	Естеств. ист. по нов. учеб.	40
Сравн. геогр. по нов. учебн.	25	Естеств. истор. Износкова	40
Сравнит. геогр. Матченко	25	Политической экономіи . . .	40
Алгебры Киселева	40	Статистики по нов. учеб.	75
Алгебры по нов. учебн. . . .	40	Слово о Полку Игоревѣ . . .	40

С Л О В А Р И.

Майдановъ и Рыбаковъ:
 Новый карман. словарь
 иностранныхъ словъ въ
 роскош. переплетѣ со-
 держитъ 1056 стр. 1 р. —
 „ тоже безъ переплета . . . 75

А. М. Ильинъ: Ореографі-
 ческій исправочный сло-
 варикъ заключаетъ свы-
 ше 2500 словъ (364
 стр.) съ указаніемъ уда-
 реній и переноса словъ. 12

- И. И. Фишелевъ.** Исторія русской литературы въ вопросахъ и отвѣтахъ по Алферову, Балтаюну и др: Вып. I и II Пушкинъ по 40
- В. Павловъ.** Обработанныя сочиненія литературнаго характера съ подробными планами.—Содержаніе и разборъ произвед. съ характеристиками главныхъ дѣйств. лицъ. Примѣнительно къ курсу среднеучебныхъ заведен.:
- Произв. нар. творч. 2 ч. по 25
- Петровская эпоха . . . 35
- Писатели эпохи Екатер. II 25
- И. С. Тургеневъ. 2 ч. по 35
- И. А. Гончаровъ 2 ч. по 35
- А. Н. Островскій . . . 25
- Алексѣй Толстой . . . 25
- В. А. Жуковскій . . . 25
- Л. Н. Толстой 3 ч. по . 35
- А. С. Грибоевъ . . . 25
- М. Ю. Лермонтовъ . . . 30
- Н. В. Гоголь ч. I, ч. II по 35
- А. С. Пушкинъ 4 ч. по 25 и 35
- А. Д. Кантемиръ . . . 25
- Кіевская Русь . . . 25
- Сентиментализмъ и Карамзинъ 2 части по . 25
- В. Г. Бѣлинскій.** Критич. статьи о произведен.:
- А. В. Кольцова . . . 20
- В. А. Жуковскаго . . . 25
- М. Ю. Лермонтова . . . 30
- Г. Р. Державина . . . 25

А. К. Семеновъ:

Отвлеченныя темы:

Пословицы.

Разсужденія.

- Историческія темы. 1 р. 10
- Темы по теор. словесн. 1 р. 25
- Темникъ, курсъ 8-го класса
2 части по. . . 1 р. 25

Д. Т. Давыдовъ:

Сочиненія съ планами и примѣчаніями. Курсъ V и VI класса по . 1 р. 25

В. Павловъ. Подробное изложеніе содерж. произв. слѣдующихъ писателей:

- И. С. Тургеневъ . . . 25
- Н. В. Гоголь. . . . 25
- А. С. Пушкинъ, ч. I, II по 25
- Л. Н. Толстой, ч. I, II по 35
- И. А. Гончаровъ . . . 25
- А. Н. Островскій . . . 25
- Петровская эпоха . . . 25

Рѣш. геометр. зад. Рыбкина ч. I. Планиметр. 1 р. 50

Рѣш. всѣхъ алгебр. задачъ Кліоновскаго 1 р. 20

Рѣшенія 1-хъ и 2-хъ ~~Мѣ~~ всѣхъ алгебраич. задачъ Шапошникова-Вальцова:

ч. II. в. I и II по . 1 р. 20

ч. II. в. III и общ. отд. I. р. 80

Отдѣльные отдѣлы того-же:

- VII-50 к., VIII-70 к., IX-60 к.,
X-1 р. 20 к., XI-1 р. 20 к.,
XII-40 к., XIII-90 к., XIV-
80 к. Общ. отд.-40 к.

2010515680